

ФАРФОРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕР

В НЕБОЛЬШОМ здании Гжельской фабрики пахло сырой глиной, гипсом, красками. «Может быть, и золотом?» — спросил Валентин. — Мы ведь им тоже расписываем... Правда, я уже не чувствую, привык». На столах, полках и просто на деревянных досках стояли заготовки чайников, подсвечников, кувшинов, самоваров и самоварчиков. До обжига их окунают в красный, как марганцовка, фуксин, и они расцветают необычайным для Гжели сочетанием цветов. Розовые, с серой тонкой росписью. И совсем хрупкие. Возьмешь в руку, неосторожно нажмешь — тут же ломаются. Только огонь придает им крепость.

В день моего прихода на фабрику «топили печку». Огромную, в два этажа. Для одного обжига она горит целые сутки. За это время на посуде розовое становится снежно-белым, а серому васильку возвращается его истинный цвет. Но никто не видит, как это происходит: дверь в печку наглухо замуравывают — температура 1300°! Там, в пламени, рождается знаменитая гжельская гамма, и голубые розы распускаются на белом снегу.

В цехах тут очень тихо, жидкописцы переговариваются за работой. Да и шуметь особенно нечему — почти все вручную. Это тот редкий случай, когда машины бесильны. Ведь им не заменить руку и глаза художника.

Гжель, конечно, необычное, уникальное производство. Его история измеряется не годами и даже не десятилетиями. О здешних местах писал еще М. В. Ломоносов: «Едва ли есть земля самая чистая и без примешания где на свете... между глинами, для фарфору употребляемыми, какая у нас Гжельская». Но, как говорится, традиции для того и существуют, чтобы их ломать. А если подчиняться им слепо, то даже самая лучшая из них может погубить живое дело. Валентин Розанов,

водивший меня по фабрике, сказал об этом так:

— Тут все идет от чувства, от интуиции, что ли. Не формально — вот это традиция. Если мы будем копировать старые образцы и делать сосуды с такими же птичками, человечками, ничего путного у нас не выйдет. Надо учиться. У нас, например, бывают какие-то вялые, неприятные формы. Похожие на надутую резиновую игрушку, даже смотреть не хочется. Нет архитектурного построения, архитектоники нет... Вот это губит! А старые вещи построены по железным канонам. Там ни одной детали убрать нельзя, иначе все разрушится. Вещь построена, как дом.

Розанов — молодой художник, работает на «Гжели» шесть лет. Пришел сюда после Абрамцевского художественно-промышленного училища живописцем. То есть исполнителем чужих идей. Сейчас он старший художник производственного объединения. Но главное, что за эти годы он понял, чего хочет. В какой форме и манере выразить себя, свою личность. У него даже свой тон росписи, хотя, казалось бы, все тут пользуются одной-единственной краской — кобальтом.

Задиристо глядит с небольшой тарелки синий петух. Перепутаны, переплетены в узоре нежные стебли и соцветия васильков и колокольчиков. И все оттенки — от очень темного кобальта до светло-голубого мазка. Как удивительно умение одной краской изобразить весь разноцветный мир. Кумган и ваза, кувшин, подсвечник, масленка, пудреница, кружка, сырная доска, ну и чайник, конечно, — это все его. Он о них говорит с отцовской строгостью: «Люблю, но вижу все недостатки».

Все это вещи простые и полезные, пригодные для хозяйства. Выражаясь профессиональным языком, функциональные. И это его принцип. Он не любит украшательства. И работать стара-

ется так, чтобы все шло изнутри и ничего лишнего. Хотя, по его словам, «и бантики, и всякие рюшечки-пампушечки тоже могут быть, когда они для дела». И терпеть не может, когда гжельские изделия ставят под стекло и пыль с них сдувают, мода модой, но в конце концов вещи для нас или мы для них?

— Валентин признался, что любит придумывать, сочинять, изобретать что-то. Началось это еще в детстве: сам вылепливал из глины всякие фигурки, зверушек, лошадок, маски.

— Мы жили на Волге, в Кимрах. А там, знаете, высокие берега и очень много красной и черной глины. Прямо бери и лепи. А черная жирная-жирная. Из нее лепить просто одно удовольствие, она без камушков, чистый пластилин. А обжигать я тогда научился дома, в печке.

Кто знает, может быть, сказались опыт и память детства, но и до сих пор образец каждой новой вещи от начала до конца он делает сам. Не только делает эскиз, но и модель в гипсе, и обтачивает сам, и глазирует. И в конце концов несет в обжиг. Проработав шесть лет, он чувствует, в какое место печки лучше поставить. Но от идеи до воплощения ее в материал долгий путь. Нужен, может быть, месяц, чтобы сделать вещь чисто технически. А до этого?..

— Я вообще очень медленно работаю. Одну вещь могу переделывать раз по пять. Сначала она должна созреть во мне, тогда все легко получается. Бывает, я несколько лет о чем-то думаю. И дома, и по дороге на работу, может даже ночью присниться. Но зато в этом я мигну себя всего выложить, сказать все, что я хочу. Мне хватает и материала, и мыслей, и характера. А в фарфоре, в гжельском фарфоре, можно делать что угодно.

Е. КОРСУНСКАЯ.